Мир изобразительного искусства, которым был окружен с младенческих лет Петр, это был мир русского живописно-архитектурного барокко, которое, по мнению Д. С. Лихачева, «там, где оно выступает в творчески переработанном на Руси виде, не переламывает человеческой натуры, не пугает контрастами и нечеловеческими усилиями, не сгибает и не перегибает крупные массы; оно жизнерадостно и декоративно, стремится к украшению и пестроте».[11]

Богословский пишет о «царственной роскоши», «в какой проходили младенческие годы всех царевичей XVII века».[12] В его «хоромах» одна комната была «обита серебряными кожами». Когда Петру было два года, то в пристроенных «новых хоромах» полы, лавки и подоконники были обиты «сукном червчатым амбурским». Для четырехлетнего Петра в новых хоромах живописцу Ивану Салтанову поручено было расписать слюдяные окна: написать «в кругу орла, по углам травы по слюде». Для царевича изготовлялись по особому заказу игрушки: годовалому мальчику был сделан «конь деревянный потешный», «два барабанца», «цимбальцы маленькие». Двухлетний царевич получает в подарок «кораблик серебряной сканной с каменьи», купленный у иноземца Андрея Миколаева.

Значение этих первоначальных впечатлений от детской и игрушек, к которым следует прибавить еще и «потешные книги» (книги с картинками), очень хорошо определил М. М. Богословский: «С тех мгновений, как пробуждающееся сознание ребенка стало воспринимать окружающие явления, перед ним открывался целый мир ярких, блестящих и звучащих предметов. Детская была полна оживления. Жужжали стрелы, спущенные с посеребренных луков, двигался занимавший, должно быть, среди забав главное место деревянный конь в богатом уборе с позолоченными стременами и уздечкой, сиявшей изумрудами, развевались пестро расписанные знамена, развертывались яркие картинки в потешных книгах, пускался в дело арсенал игрушечного оружия: топориков, шестоперов, обушков и пр., звенели струны цимбальцев и цимбал, должно быть бывших в большом употреблении, потому что часто отдавались в починку, стучали барабаны, раздавался звон маленьких потешных колоколов — набатов и бубенчиков. Вот тот волшебный мир игрушек, в котором безмятежно протекали первые годы беззаботного младенчества».[13]

Особый круг впечатлений царевича был связан с присутствием на церковных службах в кремлевских соборах и монастырях, куда

---

[11] Д. С. Лихачев. Барокко в России. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии, стр. 322.

[12] М. М. Богословский. Материалы для биографии Петра I. [М.], 1940, т. I, стр. 17.

[13] Там же, стр. 20.